

УДК 069.02:6(091)
ББК 30л611

ФИЛЯКОВА А.К.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ МУЗЕЕВ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Представлены результаты историко-культурного анализа развития зарубежных музеев науки и техники. Выделены три основные фазы становления музеев технического профиля. Осмысливается научный и социальный потенциал данного типа музейных учреждений и их роль в современном обществе.

Ключевые слова: научно-технический музей, эволюция технических музеев, историческое документирование, философия техники, всемирные промышленные выставки, интерактивность, популяризация научного знания.

Необходимость решения новых задач, стоящих перед современной наукой, способствует росту значимости технических музеев как центров неформального образования в современном обществе. Для того чтобы оценить современные тенденции и определить наиболее эффективные пути дальнейшего развития музеев науки и техники, следует хронологически проследить их становление и эволюцию. Однако на сегодняшний день недостаточно исследований, посвященных непосредственно техническим музеям и истории их появления. Настоящая работа является попыткой представить в ретроспективе процесс формирования зарубежных научно-технических музеев.

Поскольку генезис музея как культурной формы детерминирован исторической динамикой науки и культуры, данный подход будет действителен и в отношении музеев научно-технического профиля. Исходя из научных исследований В. Данилова [13], А.Д. Фридмана [14], К. Хадсона

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

[10] и Г.Г. Григоряна [4], вся история научно-технических музеев может быть условно разделена на три основные фазы, которые нами будут рассмотрены в контексте соответствующей культурно-исторической парадигмы.

Первая фаза, так называемая «кунсткамеральная» или фаза предмузейного коллекционирования, начинается в конце XV в. и достигает своего расцвета в период господства Ньютоно-Картезианской модели мира. В истории музейного дела это время известно становлением частных универсальных коллекций, включавших в себя большое количество разнообразных предметов — от произведений искусства до различных природных редкостей, технических приспособлений и инструментов. Первое время такие коллекции носили эклектичный характер и нередко служили для поддержания престижа своего владельца и его самоутверждения в обществе.

Первая научная революция, произошедшая в Европе в XVII—XVIII вв., привела к падению антропоцентрической идеологии эпохи гуманизма и потребовала существенных эпистемологических изменений привычной мировоззренческой парадигмы. Достаточно привести лишь некоторые открытия, совершенные на этом историческом этапе, чтобы понять, насколько изменился окружающий мир в глазах человека того времени.

Итак, в XVII в. был открыт закон всемирного тяготения, сформулированы законы классической механики и сделаны открытия в области оптики (И. Ньютон), разработаны дифференциальное и интегральное исчисление (И. Ньютон, Г.В. Лейбниц), заложены основы теории вероятности (П. Ферма, Х. Гюйгенс, Я. Бернулли, Б. Паскаль). Во второй половине XVIII в. описаны основы линейной алгебры (Г. Крамер, А. Вандермонд, П. Лаплас), сформулирован закон сохранения массы вещества (А.Л. де Лавуазье), изложен основной закон электростатики (Ш. Кулон). Такой стремительный поворот к научной картине мира потребовал утверждения новой модели научного мышления, основанной на принципах рационального, систематизированного и эмпирически подтвержденного объяснения всего существующего.

Ключевую позицию в идеологии занимала идея популяризации науки среди масс, которая в то время достигала небывалого масштаба. С этого момента знание перестает быть привилегией избранных и становится предметом общественной коммуникации. Научная революция коснулась даже женщин — категории, традиционно исключенной из процесса обучения. Появились специальные учебные пособия, ориентированные на них, например, в 1737 г. барон Ф. Альгаротти издал специальное сочинение «Ньютовианизм для дам» [5]. Столь абсолютная вера в прогресс через разум надолго определила развитие всей европейской цивилизации в целом и развитие музейного дела как частной составляющей этой цивилизации.

Под влиянием бурного развития наук собрания эпохи Просвещения становятся более специализированными и разнообразными по предметному составу, нежели в предыдущие столетия. Научно-технические коллекции

включали в себя широкий спектр различных технических изобретений и инструментов: замки, часовые механизмы, осветительные приборы, астролябии и навигационные приборы, оружие и доспехи, различные машины, *perpetuum mobile*, механические модели, оборудование, необходимое для проведения различных физико-химических опытов и т. д. [5]. Поскольку для просветителей решающую роль играло экспериментальное подтверждение научных данных, то музеи и коллекции начинают выполнять, в первую очередь, дидактические и образовательные функции. Столь радикальные изменения не обошли стороной и научно-технические собрания, выводя интерес общества к механизмам и новым технологиям на существенно иной уровень. Впервые возникает тенденция к использованию коллекций для демонстрации и популяризации научных знаний о природе и окружающем мире. Примерами могут служить: коллекция научно-технических предметов лондонского Королевского общества, коллекция моделей механизмов и физических аппаратов Академии наук в Париже, коллекция научных инструментов естественнонаучного кабинета Голландского товарищества наук в Харлеме (ныне Тейлеровский музей) [5, с. 241].

Логическим преломлением идей популяризации процесса познания явилась мысль о создании публичных систематически организованных научно-технических собраний, основанных на принципах наглядной демонстративности. К этой идее обращается английский мыслитель Ф. Бэкон, описывая в своей утопии «Новая Атлантида» процветающее государство, в котором существуют специально организованные собрания для демонстрации последних технических и научных достижений [2, с. 220]. О необходимости создания музея научных инструментов и механических ремесел, в котором осуществлялось бы разъяснение работы экспонатов для познавательных целей, говорил и французский философ Р. Декарт [10, с. 82].

Попытка реализации идей Р. Декарта и Ф. Бэкона стала возможной лишь после Великой французской революции: специальным декретом Национального конвента в Париже была создана Консерватория искусств и ремесел. Предполагалось, что этот музей будет находиться в подчинении у Комиссии по сельскому хозяйству и искусствам и в его состав будут включены частные технические коллекции, конфискованные во время революции. В собрание должны были войти: машины, инструменты, чертежи, описания, книги по всем искусствам и ремеслам, различные изобретенные и усовершенствованные механизмы. Отдельным пунктом декрета обозначалась необходимость разъяснительной работы с посетителями, касающейся устройства и использования инструментов и механизмов: «Мы должны просветить невежество, которое не знает, и нищету, которая не имеет никакой возможности знать» [10, с. 83].

Предполагалось, что собрание разместится в комплексе средневекового монастыря Сен-Мартен-де-Шан. Однако из-за аварийного состояния зданий монастыря и значительных ремонтных работ открытие музея для широкой публики задержалось еще на несколько лет и

произошло лишь в 1802 году. Музей обладал обширной коллекцией ярких и интересных в научном плане объектов, многие из которых являлись настоящими произведениями искусства, поскольку изготавливались ведущими мастерами-механиками и ювелирами. Впрочем, свою непосредственно просветительскую функцию — разъяснения широкой публике принципов действия современных технических новшеств — музей практически не выполнял, являясь по сути всего лишь депозитарием [10]. При этом, будучи «первопроходцем» в области становления музеев науки и техники, парижский Консерваторий искусств и ремесел имел огромное значение для дальнейшего развития этого типа музеев.

Непосредственный переход ко *второй фазе* — фазе активного формирования научно-технических музеев как публичных учреждений происходит лишь с середины XIX века. В первую очередь, это связано с промышленной революцией, начавшейся в Великобритании в последней трети XVIII в. и распространившейся к началу XIX в. и на другие страны Европы и Америки. Следствием внедрения в производство новых технологий и перехода от ручного труда к машинному явилась необходимость серьезной переподготовки рабочих для нового индустриального общества, в результате чего во многих странах появляется множество специальных образовательных классов для рабочих. Так, в Лондоне в 1824 г. из таких экспериментальных классов был образован Механический институт, а уже к 1860 г. в стране насчитывалось около 600 механических институтов, в которых обучалось более 100 тыс. человек [6, с. 30]. В таких учебных заведениях быстро возникает идея об организации экскурсий в примечательные места с научными и художественными коллекциями, а также о создании собственных выставок, на основе собранных институтами коллекций. Именно в рамках лондонского Механического института возникает Национальное хранилище новых машин, механизмов и образцов новой промышленной продукции. С 1835 г. коллекции хранилища были открыты для ежедневного публичного осмотра в созданном специально для этих целей, Музее национальной промышленности и механики в Лондоне. Вслед за столицей Британской империи музеи при институтах стали создаваться по всей стране. В то же время в Соединенных Штатах Америки можно проследить обратную ситуацию, когда научный музей, основанный в 1824 г. С. ванн Мэрриком и У.Г. Китингом, со временем был интегрирован в институт [14].

Еще одним ярким событием XIX в., оказавшим влияние на развитие технических музеев, стало проведение всемирных промышленных выставок. Первая и, пожалуй, самая известная такая выставка прошла в 1851 г. в лондонском Гайд-парке. Как подчеркивает историк В.П. Зайцев, вниманию посетителей были представлены самые передовые разработки индустриально развитых стран: «модели мостов и паровозов, гидравлические прессы и макет Суэцкого канала, телескопы и дагерротипы, новейшие прядильные и ткацкие станки, печатная машина, дававшая за час 5 тысяч оттисков «Иллюстрированных

лондонских новостей», паровой молот Круппа и электрический телеграф Сименса» [7].

Выставка не только способствовала решению многих политико-экономических задач европейских государств, таких как укрепление политического влияния и поиск новых рынков сбыта продукции, но и наглядно демонстрировала необходимость совершенствования технического образования. Став настоящим культурным феноменом, промышленные выставки всех стран, несомненно, заслуживают отдельного исследования, однако в рамках данной работы нам бы хотелось подчеркнуть их значение именно для музейного дела. Развитие выставочной деятельности в столь глобальных масштабах дало необходимый импульс к развитию идеи создания национальных технических музеев, которые «должны были воспринять “духовность” промышленных выставок и сохранить ее во времени для укрепления как национального самосознания, так и социального статуса инженеров и инженерной деятельности» [3, с. 76]. Результатом всемирных промышленных выставок является возникновение лондонского Музея науки и техники (1910)¹ и крупнейшего в мире технического собрания — Немецкого музея в Мюнхене (1903).

Таким образом, с появлением в XIX в. специализированных технических музеев отношение между наукой и музейным учреждением выстроилось по-новому. Музеи в это время активно включаются в сферу научного знания, продолжая развивать идею о необходимости популяризации научных знаний, кроме того, возникают первые предпосылки пропаганды техники в интересах государства, в которой музеи так же играли не последнюю роль, однако пока еще отсутствует работа, связанная с документированием истории [4, с. 5].

На рубеже XIX—XX вв. началось целенаправленное и систематическое осмысление техники как многомерного феномена, включающего в себя социологическое, антропологическое, культурологическое и феноменологическое измерения. В процессе интенсивного становления техногенной цивилизации становятся актуальными вопросы природы и сущности техники, ее места в общественном развитии, а также самоотношенности человека с техническими артефактами. В этот период появляются два направления с различными взглядами на развитие техники и оценку ее воздействия на общество: положительным и критическим. Сторонниками первого направления являлись такие культурологи и философы, как Э. Капп [8], Ф. Дессауэр [1], Л. Уайт [9]. В работах последователей «технооптимизма» прослеживаются попытки обосновать гармонию человека и техники через обращение к идеям античной и христианской философии. Так, Э. Капп, опираясь на высказывание Протагора о том, что «человек есть мера всех вещей», постулирует теорию «органопроекции» [8] или бессознательного воспроизве-

¹ Лондонский музей науки и техники в 1910 г. получил статус самостоятельного учреждения, отделившись от открытого в 1857 г. широкого по профилю Южно-Кенсингтонского музея, созданного на волне успеха Промышленной выставки 1851 года.

дения человеком самого себя в технических творениях. В свою очередь, Ф. Дессауэр [1, с. 48] развивает идею о том, что акт технического творчества есть проявление божественного разума творца, получившее материальную форму. Отдельного внимания заслуживает направление, рассматривающее технику как фактор социокультурной динамики и один из структурообразующих элементов культуры. Этой позиции придерживался американский культуролог Л. Уайт, определивший культурную систему как последовательность из трех горизонтальных слоев: технологического в основании, философского наверху и социального между ними. Таким образом, согласно теории Уайта, технические достижения и технологии выступают как своеобразная плодородная почва, определяющая развитие всех остальных подсистем культуры [9, с. 368].

Сторонники «критического» направления указывали на разлагающее влияние техники на цивилизацию. Так, немецкий философ К. Ясперс выражал опасения по поводу излишней рационализации, которую принесло с собой техническое развитие. По его мнению, головокружительный скачок, произошедший в XX в. в научно-технической сфере, привел к кризису духовности. «Техника превратила все существование в действие некоего технического механизма, всю планету — в единую фабрику. Тем самым произошел — и происходит по сей день — полный отрыв человека от его почвы. Он становится жителем Земли без родины, теряет преемственность традиций» [12, с. 112]. Отрыв от традиций и отсутствие духовных ориентиров, полагал он, ведут к смещению ценностей, что делает человека легкой мишенью для манипуляций. Близки к взглядам К. Ясперса и размышления известного философа М. Хайдеггера, указывающего на непредсказуемость столь масштабных вторжений техники в жизнь человека. Фатальность отношений человека и техники состоит в том, что не техника есть средство в руках человека, а человек находится «в рабстве» у техники. Философ приходит к выводу, что создавая вокруг себя неестественный, технический мир, человек теряет путь в потаенное, что отдаляет его от познания истины [11].

В контексте нового восприятия роли техники возрастает интерес к музеям данного профиля как к хранителям и интерпретаторам технической истории. Деятельность самих музеев в это время претерпевает существенные изменения. Однако здесь мнения расходятся: американские исследователи В. Данилов [13] и А. Фридман [14] считают, что ведущая роль в музеях науки и техники в период *третьей фазы* отводится образовательной функции и практической демонстрации работы экспонатов, в то время как российский исследователь Г.Г. Григорян [4] оставляет приоритет за функцией документирования. Попробуем разобраться, в чем причина данного разногласия.

На наш взгляд, подобные разночтения детерминированы разницей в традициях, присущих европейскому и американскому музейному строительству. Для Европы начала XX в. технические достижения воспринимаются как признак превосходства одного государства над другим, поэтому существование музея, демонстрирующего тех-

ническую мощь государства, становится задачей национального масштаба. В XX в. появляются такие знаменитые музеи, как Немецкий музей в Мюнхене (1903), Национальный технический музей в Праге (1908), Технический музей в Вене (1909), Национальный музей науки и техники в Стокгольме (1923), Национальный музей науки и техники Леонардо да Винчи в Милане (1954), Национальный музей науки и технологий в Мадриде (1980) и т. д. В середине XX в. популярность получают музеи, посвященные одной отрасли или теме: музеи авиации, космонавтики, железнодорожного или городского транспорта и т. д.

Для США, которые в начале XX в. достигают расцвета капитализма и переходят в империалистическую фазу, было необходимо обеспечить ускоренное развитие техники и новых технологий, чтобы успешно развивать столь обширные территории, раскинувшиеся от границ Мексики до Северного Ледовитого океана, и обеспечить работой прибывающих в страну эмигрантов. Поэтому с самого начала в Америке в технических музеях ставка была сделана на неформальное образование и демонстрацию принципов работы новейших технических достижений. Наиболее известным становится Музей науки и промышленности в Чикаго (1933). Не случайно, именно в США в 1960-е гг. возникает такое явление, как «научные центры» и «эксплораториумы»², чья основная цель состоит в объяснении и актуализации научных понятий и технологий посредством специально созданных интерактивных объектов, выполняющих дидактическую функцию. Несмотря на то, что многие из этих учреждений имеют в своем названии слово «музей», музеем в полной мере они не являются, предоставляя отдельное поле для исследования.

Однако это не значит, что европейские музеи полностью исключали из своей деятельности образовательную функцию, а американские — пренебрегали историческим подходом. В конечном итоге, сама идея организации интерактивного музея науки и промышленности в Чикаго была позаимствована Дж. Розенвальдом у коллег-музейщиков из Немецкого музея в Мюнхене. Кроме того, согласно некоторым исследованиям, в первые послевоенные десятилетия в Великобритании ключевыми национальными институтами, осуществлявшими работу в области популяризации науки и технологий, были Лондонский музей науки и корпорация BBC [15, с. 38]. Это говорит не только о том, что в европейских технических музеях велась просветительская работа, но и об успешной конкуренции этих музеев с телевидением, что, безусловно, свидетельствует в пользу их популярности. В свою очередь, американские технические музеи активно используют в своей работе принцип исторического документирования реальности. Ярким примером такого подхода является инсталляция чикагского Музея науки и промышленности, демонстрирующая процесс захвата в июне 1944 г. у берегов Африки знаменитой субмарины U-505 [16].

² Первый интерактивный центр науки, названный Exploratorium, был открыт Ф. Оппенгеймером в 1969 г. в Сан-Франциско. Позднее термин «эксплораториум» становится синонимом понятия «научный центр».

Ко второй половине XX в. обе эти функции становятся необходимыми для музеев науки и техники, более того, они во многом являются взаимоопределяющими. С одной стороны, технический прогресс и научные открытия формировали новую ментальность, внося в представления человека идею о невозможности конечного знания и страх перед бесконечным господством техники. С другой — комфорт и преимущества, которые давала техника, обуславливали стремление к постоянному развитию и познанию. Умение обращаться с новейшими техническими изобретениями, понимание принципов их работы повышали социальный статус человека в глазах окружающих, что актуализировало дидактическую составляющую музейной работы. В то же время постоянное совершенствование технических изобретений способствовало проявлению тенденции к быстрому моральному износу и устареванию техники, что, в свою очередь, привело к появлению психологического феномена утрат. И если раньше музеи отбирали для своих коллекций технические шедевры, то в XX в. на первый план выходит принцип историчности, поскольку то, «что вчера было шедевром, сегодня становится памятником» [4, с. 5]. Кроме того, важно помнить, что знание прошлого может сыграть важную роль в решении завтрашних проблем. Поэтому современные музеи науки уделяют равное внимание, как образовательной функции, так и функции исторического документирования реальности.

Большинство исследователей сегодня ограничиваются лишь упомянутыми нами тремя фазами, однако английский исследователь К. Хадсон настаивает на выделении *четвертой фазы* эволюции музеев науки и техники. Возвращаясь к столь популярному в философии XX в. вопросу амбивалентности техники, он говорит о том, что новой и весьма значимой тенденцией в среде технических музеев является включение последних в социальный контекст [10, с. 97]. Эти музеи исповедуют принцип объективной презентации научно-технических достижений в своих стенах, демонстрируя как положительные, так и отрицательные стороны техногенной цивилизации. Впрочем, К. Хадсон подчеркивает, что такой подход требует определенных политических условий и взглядов, поэтому на данном этапе такие музеи являются в большей степени детищем Западной Европы.

Проведенный нами историко-культурный анализ генезиса и эволюции научно-технического музея позволяет сделать некоторые выводы.

1. Начальный период генезиса музеев науки и техники относится к середине XVI — первой половине XIX в., когда в состав универсальных коллекций, наряду с предметами искусства и различными природными объектами, начинают включаться различные технические инструменты и приспособления. Начиная со второй половины XVIII в., в ходе становления классической механики, выделяются специализированные коллекции технических устройств, иллюстрирующих открытия и достижения науки. Впервые формируются предпосылки к использованию таких коллекций для популяризации научных знаний.

2. Развитие технических музеев второй половины XIX — первой половины XX в. было в значительной степени детерминировано процессами, протекавшими в таких подсистемах культуры, как наука и философия. Происходившие в этих областях изменения способствовали становлению научно-технических музеев, с одной стороны, в качестве учебно-демонстрационных площадок, созданных для разъяснения принципов функционирования технических новинок широкой публике, а с другой — в качестве хранителей и интерпретаторов технической истории.

3. Современный облик технических музеев начал складываться во второй половине XX в. и продолжает свое формирование до сих пор. На сегодняшний день музеи науки и техники являются полифункциональными учреждениями науки и культуры, в основе их концепции лежит как принцип сохранения и отображения истории науки и техники, так и принцип популяризации научного знания.

4. Обзор функциональных возможностей научно-технических музеев дает основание квалифицировать их как мощный фактор развития и продвижения науки, что делает их перспективным образовательным ресурсом. В повседневной практике технических музеев происходит своеобразное размытие границ между музеем и интерактивным научным центром, поскольку эволюция музея требует поиска новых методов взаимодействия с посетителями. Однако музеям не стоит слишком увлекаться интерактивностью в ущерб функции исторического документирования реальности. Так как развитие науки является кумулятивным процессом, для будущего ученого важно иметь возможность оценить работу предшествующих поколений, и именно в техническом музее, в его классическом понимании, это реализуется в полной мере. В то же время в современных технических музеях можно столкнуться с обратной ситуацией, когда экспонаты демонстрируют только как технологические объекты, без включения их в социальный, исторический, культурологический или образовательный контекст. Такой подход соответствует первой «кунсткамеральной» фазе становления технических музеев и чаще всего характерен для транспортных музеев. На наш взгляд, музеям не стоит забывать о том, что каждый предмет обладает широким аксиологическим потенциалом, позволяющим конструировать различные бытовые, культурные и социальные ситуации, повышая тем самым интерес к музею в глазах посетителей.

Таким образом, на основе анализа уже сложившихся тенденций и накопленного опыта, музеи науки и техники могут выбирать наиболее подходящую для себя стратегию развития с учетом конкретных задач.

Список источников

1. Аль-Ани Н.М. Философия техники: очерки истории и теории : учеб. пособие / Н.М. Аль-Ани. — СПб., 2004. — 184 с.
2. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Утопический роман XVI—XVII веков / вступ. статья Л. Воробьева. — М. : Худож. лит., 1971. — С. 191—224.

3. Григорян Г.Г. Научно-технические музеи и культурное наследие в области техники / Г.Г. Григорян, Л.М. Кожина // Вопросы истории естествознания и техники. — М., 2003. — № 4. — С. 75—87.
4. Он же. О современных тенденциях музейного дела в области техники за рубежом // История техники и музейное дело. — М.: Новая школа, 2002. — Вып. 2. — С. 3—6.
5. Грицкевич В.П. История музейного дела до конца XVIII века / В.П. Грицкевич. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. — 406 с.
6. Он же. История музейного дела конца XVIII — начала XX века / В.П. Грицкевич. — СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. — 336 с.
7. Зайцев В.П. Первые всемирные промышленные выставки в Лондоне [Электронный ресурс] // Новая и новейшая история. — 2001. — № 4. — URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CRYSTAL.HTM> (дата обращения: 05.05.2015).
8. Капс Э. Антропологический критерий. Органическая рецепция // Роль орудия в развитии человека. — Л., 1925. — С. 21—41.
9. Уайт Л. Наука о культуре / Л. Уайт. — М.: РОССПЭН, 2004. — 960 с.
10. Хадсон К. Влиятельные музеи / К. Хадсон; пер. с англ. Л. Мотылева. — Новосибирск: Сиб. Хронограф, 2001. — 196 с.
11. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. — М., 1993. — С. 221—238.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
13. Danilov V.J. America's Science Museums / V.J. Danilov. — N.Y.: Greenwood Press, 1990. — 483 p.
14. Friedman A.J. The Evolution of the Science Museum / A.J. Friedman [Electronic resource]. — URL: <http://faculty.rmu.edu/~short/research/science-centers/references/Friedman-AJ-2010.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).
15. Gouyon J.-B. Making Science at Home: Visual Displays of Space Science and Nuclear Physics at the Science Museum and on Television in Postwar Britain // History and Technology: An Intern. J. — 2014. — Vol. 30. — P. 37—60.
16. U-505 Submarine [Electronic resource]. — URL: <http://www.msichicago.org/whats-here/exhibits/u-505/the-exhibit/> (дата обращения: 05.05.2015).

УДК 659.1:7.01
ББК 88.571.5

ЗАЙЦЕВА А.Ф.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ КАК ОБЛАСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ РЕКЛАМЫ

Статья посвящена художественному восприятию как области реализации эстетической функции в рекламе. На основе исследований в области рецептивной эстетики и феноменологии, анализируется актуальность эстетики восприятия для рекламных коммуникаций, которые рассматриваются как комплексное явление. Дан сравнительный анализ ценности восприятия произведений искусства и рекламных образцов. Представлен новый взгляд на эстетическую компоненту в рекламе. Автор выходит за рамки классического представления о ее реализации через художественные приемы и показывает более обширное поле актуализации эстетической составляющей в рекламе.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, восприятие рекламы, эстетика в рекламе, рекламные коммуникации.

Монохотественные философские концепции XX в. дают возможность проследить, как связаны наука, искусство, отдельные практики повседневного быта, социальные институты и целые эпохи, согласовать их между собой, игнорируя очевидные разрывы и различия. Области эстетики и рекламных коммуникаций являются самодостаточными и далекими друг от друга, особенно с учетом опыта основополагающих эстетических теорий. Как отмечал И. Кант, эстетические свойства связаны с переживаниями, которые носят неутилитарный характер. Жесткое разделение практического и эстетического ус-

ложняет поиск пересечений этих двух областей. Попытка выявления взаимосвязей и сближения эстетико-художественного истолкования истории философии, ориентированного на постижение природы искусства, и такого прагматичного вида безличной коммуникации, как реклама, призванной привлекать внимание к некоторому объекту с целью его сбыта, а в конечном итоге — получения прибыли, заставляет взять одну из этих областей за основу и рассматривать все через призму этого главенства.

Поиск новых точек актуализации эстетического в рекламных коммуникациях выходит за рамки принятого